

2010: Одиссея Два

Автор:

[Артур Чарльз Кларк](#)

2010: Одиссея Два

Артур Чарльз Кларк

The Best of Sci-Fi Classics Космическая Одиссея #2

Вторая часть Космической Одиссеи переносит читателей на девять лет вперед после событий предыдущей книги. Космический корабль «Алексей Леонов» с советско-американским экипажем на борту отправляется на Юпитер, чтобы разгадать тайну оставленного на орбите Юпитера «Дискавери». Для того, чтобы это сделать, командиру и членам звездного экипажа предстоит вновь активировать выведенный из строя компьютерный мозг HAL-9000, который явился одной из причин провала первой экспедиции.

Справятся ли капитан и его смелая команда? И не провалит ли жуткий компьютерный мозг экспедицию снова?

Артур Чарльз Кларк

2010: Одиссея Два

2010: ODYSSEY TWO © 1982 by Serendib BV.

© Я. Берлин, Н. Галь, И. Почиталин, Д. Старков, перевод на русский язык, 2017

* * *

Двум великим русским: генералу А. А. Леонову – космонавту, Герою Советского Союза, художнику, и академику А. Д. Сахарову – ученому, лауреату Нобелевской премии, гуманисту

Предисловие автора

Роман «2001: Космическая Одиссея» был написан в период с 1964 по 1968 год и издан в июле 1968 года, вскоре после выхода фильма. Как я уже рассказывал в книге «Потерянные миры 2001», оба проекта развивались одновременно, с обратной связью в обоих направлениях. Поэтому мне часто приходилось делать странные вещи: я исправлял текст после просмотра кадров фильма, основанных на более ранней версии книги, – интересный, но довольно трудоемкий способ писать романы.

В результате между книгой и фильмом гораздо больше общего, чем обычно бывает в таких случаях, но есть также и существенные расхождения. В романе космический корабль «Дискавери» направляется к Япету, самому загадочному из многочисленных спутников Сатурна, и попадает к Сатурну через Юпитер – проходит довольно близко от планеты-гиганта, используя ее чудовищное гравитационное поле для маневра разгона, чтобы набрать скорость, нужную для второго этапа путешествия. Точно такой же маневр проделали в 1979 году оба «Вояджера», проводя первое детальное обследование внешних планет-гигантов.

Однако в фильме Стэнли Кубрик мудро избежал путаницы, выбрав место третьего столкновения человека с Монолитом среди лун Юпитера. Сатурн полностью исчез из сценария. Позже этой идеей воспользовался Дуглас Трамбалл, изобразив Сатурн и его кольца в фильме «Молчаливое бегство».

Тогда, в середине 60-х, никто не думал, что исследование спутников Юпитера произойдет не в следующем столетии, а всего пятнадцать лет спустя. Никому

также и не снились чудеса, которые можно там найти, хотя можно быть уверенным, что в один прекрасный день какие-нибудь находки превзойдут даже открытия обоих «Вояджеров». В то время, когда писался роман, Ио, Европа, Ганимед и Каллисто даже в самый мощный телескоп были видны только как светящиеся точки, а теперь это целые миры, и каждый из них уникален, а один из них, Ио, является космическим телом с самой высокой вулканической активностью в Солнечной системе.

И все же в свете этих открытий и книга, и фильм выглядят вполне достойно, а сравнивать кадры с Юпитером из фильма с настоящими съемками, сделанными камерами «Вояджер», очень занятно. Но очевидно, что все, написанное сегодня, должно учитывать результаты исследований 1979 года – луны Юпитера не являются более неисследованными территориями.

Существует также еще один, не такой явный фактор психологического свойства, который тоже нужно учитывать. Роман «2001: Космическая Одиссея» был написан в эпоху, предшествующую одному из величайших событий в истории человечества. Мы навсегда отделены от нее тем моментом, когда Нейл Армстронг ступил на поверхность Луны. До 20 июля 1969 года оставалось еще около пяти лет, когда Стэнли Кубрик и я впервые задумались о «пресловутом действительно хорошем научно-фантастическом фильме» (его собственное выражение). А сейчас история и вымысел неразрывно переплелись.

Когда астронавты «Аполлона» улетали на Луну, они уже видели фильм. Команда «Аполлона-8», первые люди, которые на Рождество 1968 года бросили взгляд на обратную сторону Луны, говорили мне, что им очень хотелось сообщить по радио о находке большого черного монолита – но благоразумие победило.

И позже случались почти мистические совпадения, когда природа следовала за искусством. Самым странным из них была эпопея «Аполлона-13» в 1970 году.

Начать с того, что командный отсек, где живут астронавты, был окрещен «Одиссеем», а как раз перед взрывом кислородного бака, из-за которого пришлось отменить полетное задание, команда слушала «Так говорил Заратустра» Рихарда Штрауса, музыкальную тему, которая теперь неизменно ассоциируется с фильмом. Сразу же после падения напряжения в шине питания Джек Суайгерт радировал в Центр управления полетом: «Хьюстон, у нас проблема» – теми же словами, что использовал ЭАЛ, обращаясь к астронавту Фрэнку Пулу в похожей ситуации: «Прошу извинить, что прерываю празднество,

но у меня важное дело[1 - Здесь и далее цитаты из романа «2001: Космическая Одиссея» даны в переводе Я. Берлина и Н. Галь.]]».

Когда был опубликован отчет о миссии «Аполлона-13», директор НАСА Том Пейн прислал мне копию, где рядом со словами Суайгерта была сделана пометка: «Как ты говорил, Артур, так оно и случилось». До сих пор я испытываю очень странное чувство, раздумывая над этими событиями – как будто тоже несу часть ответственности за них.

Другие совпадения не так точны, но не менее поразительны. Один из самых технически блестящих эпизодов в фильме показывает, как Фрэнк Пул бежит и бежит по кругу в гигантской центрифуге, не взлетая в невесомости благодаря искусственной гравитации, порожденной ее вращением.

Почти десять лет спустя команда орбитальной станции «Скайлэб» поняла, что ее проектировщики следовали той же геометрии – кольцо складских отсеков образует ровный круг вокруг внутренних помещений станции. Правда, «Скайлэб» не вращался, но это не смутило его изобретательных обитателей. Они открыли, что могут бегать, будто белка в колесе, и в результате создать эффект, визуально неотличимый от показанного в фильме. И они засняли всю сцену и передали ее на Землю (стоит ли упоминать, что за музыка при этом звучала?), сопроводив ее следующим комментарием:

– Стэнли Кубрик должен это увидеть.

В конце концов, он и увидел, так как я послал ему этот ролик. Правда, обратно я его так и не получил: у Стэнли есть дрессированная черная дыра, служащая хранителем всех его материалов.

Еще одним связующим звеном между фильмом и реальностью оказалась картина командира экипажа «Союз – Аполлон», космонавта Алексея Леонова, «Около Луны». Впервые я увидел ее в 1968 году, когда она была представлена на конференции ООН по мирному использованию космического пространства. Сразу же после показа Алексей сказал мне, что композиция его картины (репродукцию можно найти на странице 32 альбома «Ждите нас, звезды!» А. Леонова и А Соколова, издательство «Молодая гвардия», 1967 год) точно такая же, как первые кадры фильма: над Луной восходит Земля, а за ними обеими восходит Солнце. Авторский набросок этой картины с автографом

Леонова теперь висит на стене у меня на работе. Подробнее об этом смотрите в главе 12.

А теперь уместно было бы назвать еще одно не столь широко известное имя, появляющееся на страницах этой книги, – Цянь Сюэсэнь. В 1936 году, вместе с великим Теодором фон Карманом и Фрэнком Дж. Малина, доктор Сюэсэнь основал Лабораторию аэронавтики имени Даниэля Гуггенхайма при Калифорнийском технологическом институте (GALCIT) – предшественницу Лаборатории реактивного движения в Пасадене. Он также стал первым почетным Годдардовским профессором Калифорнийского технологического и внес большой вклад в американские исследования ракетной техники в 1940-х годах. Позже, в ходе одного из самых постыдных эпизодов периода маккартизма, он был арестован по сфабрикованным обвинениям в нарушении секретности, после того, как захотел вернуться в родную страну. В последние два десятилетия он был главой китайской ракетной программы.

И наконец, есть еще странный случай с «оком Япета» («2001: Космическая Одиссея», глава 35). В ней я описываю, как астронавт Боумен обнаружил на этом спутнике Сатурна любопытное образование, «ослепительно белый овал размером примерно двести на четыреста миль... безукоризненно симметричный... Контурные были настолько резко очерчены, что казалось, будто его кто-то аккуратно нарисовал белой краской на поверхности этой маленькой луны». Когда Боумен приблизился к этому образованию, им овладела мысль, что «яркий эллипс, так резко выделяющийся на темной поверхности Япета, – это какой-то огромный пустой глаз, пристально следящий за его приближением». Потом он заметил «крохотное черное пятнышко точно посередине эллипса», которое оказалось Монолитом, или одним из его воплощений.

Когда «Вояджер-1» передал на Землю первые снимки Япета, на них действительно обнаружился большой четко очерченный эллипс с черной точкой в центре. Карл Саган из Лаборатории реактивного движения немедленно прислал мне фотографию с загадочной надписью: «Думая о вас...» Не знаю, радоваться мне или огорчаться тому, что «Вояджер-2» оставил этот вопрос неразъясненным.

Как следствие всего этого, история, которую вам предстоит прочесть, гораздо сложнее, чем простое продолжение первой книги или фильма. В случае расхождений между ними я следовал киноверсии. Правда, я больше заботился о том, чтобы сделать этот роман книгой самостоятельной и как можно более

точной в деталях в свете современных знаний.

Которые, конечно, к 2001 году уже устареют...

Артур Кларк Коломбо, Шри-Ланка, январь 1982

Часть I

Леонов

Глава 1

Встреча в фокусе

Даже в наш метрический век телескоп был все же тысячефутовым, а не трехсотметровым. Тропическое солнце быстро шло к закату, и огромное блюдце, расположенное среди гор, уже наполовину ушло в тень, но треугольный каркас антенного комплекса, вознесенного гораздо выше центра, все еще сверкал на солнце. Понадобился бы исключительно зоркий глаз, чтобы издали, снизу, с Земли, разглядеть две человеческие фигурки в воздушном лабиринте опор, тросов и волноводов.

– Пришла пора, – сказал доктор Дмитрий Мойсевич своему старому другу Хейвуду Флойду, – подумать о делах – о башмаках и сургуче, о звездных кораблях... Но в основном – о монолитах и неисправных компьютерах.

– Так вот зачем ты утащил меня с конференции! Не то чтобы я очень огорчился – я слышал эту речь Карла о поиске внеземных цивилизаций столько раз, что мог бы повторить ее слово в слово. А вид здесь просто фантастический. Я бывал в Аресибо много раз, но никогда не забирался сюда, к облучателю антенны.

– Стыд и позор. Я был здесь трижды. Только представь себе – мы слушаем всю Вселенную, а нас никто подслушать не может. Поэтому давай обсудим твои проблемы.

– Какие проблемы?

– Начнем с того, почему ты был вынужден подать в отставку и уйти с поста председателя Национального Совета по астронавтике.

– Вовсе не вынужден. Просто Гавайский университет гораздо лучше платит.

– Хорошо, вынудить тебя не успели – ты опередил их на шаг. Вуди, я знаю тебя столько лет, что ты не сможешь обмануть меня. Даже не пробуй. Если бы прямо сейчас тебе предложили вернуться в НСА, ты бы колебался?

– Ладно, старый казак. Что ты хочешь знать?

– Ну, во-первых, в отчете, который ты в конце концов, после стольких понуканий, выпустил, многое недосказано. Даже глядя сквозь пальцы на нелепую и откровенно незаконную секретность, с которой твои люди выкапывали монолит Тихо...

– Это была не моя идея.

– Рад слышать. И даже верю тебе. И мы очень рады, что теперь вы позволяете всем желающим обследовать эту штуку – как следовало бы поступить с самого начала. Хотя ничего нового все равно не обнаружилось...

Наступило унылое молчание. Оба размышляли о черной загадке Луны, с обидной неуклонностью противостоящей любым инструментам, придуманным человеческим гением для воздействия на нее. Наконец русский ученый продолжал:

– В любом случае, чем бы ни являлся монолит Тихо, возле Юпитера имеется нечто куда более важное. В конце концов, именно туда был отправлен сигнал. И именно там ваши люди попали в беду. Жаль, жаль... Правда, единственным, кого я знал лично, был Фрэнк Пул. Мы встречались на конгрессе Международной

федерации астронавтики в 98-м, он показался мне хорошим человеком.

– Спасибо. Все они были хорошими людьми. Хотелось бы знать, что с ними случилось...

– Что бы с ними ни случилось, теперь вы наверняка признаете, что это касается всего человечества, а не только Соединенных Штатов. Отныне не стоит использовать полученные знания в чисто национальных интересах.

– Дмитрий, ты отлично знаешь, что вы сделали бы в точности то же самое. При твоём же активном участии.

– Ты совершенно прав. Но эта история уже в прошлом – как и ваша только что отошедшая от дел администрация, ответственная за все это. Возможно, при новом президенте будут приниматься более мудрые решения.

– Возможно. А у тебя есть какие-то предложения, официальные или сугубо личные?

– В настоящий момент – только неофициальные. То самое, что треклятые политики называют предварительными переговорами. Естественно, я буду отрицать, что они когда-либо имели место.

– Ясно. Продолжай.

– Ладно. Дело вот в чем. Вы на промежуточной орбите строите «Дискавери-2» со всей возможной скоростью, но нет надежды, что он будет готов раньше, чем через три года, а это означает, что вы пропустите ближайшее стартовое окно...

– Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это. Не забывай: я только скромный ректор университета по ту сторону планеты от Совета по астронавтике.

– И, видимо, в последний раз ты ездил в Вашингтон просто в отпуск, навестить старых друзей. Так вот, наш «Алексей Леонов»...

– А я думал, вы назвали его «Герман Титов».

– Двойка, ректор. Старое доброе ЦРУ снова вас подвело. Он называется «Леонов», во всяком случае, так было еще в январе. И – только не проговорись никому, что я это сказал, – он долетит до Юпитера минимум на год раньше «Дискавери».

– Никому не проговорись, что этого мы и опасались. Но продолжай.

– Поскольку мое начальство не менее глупо и недальновидно, чем твое, оно собирается запустить корабль самостоятельно. Отсюда следует: то, что произошло с вашей экспедицией, может случиться и с нами, и мы снова окажемся в исходной точке. Если не хуже.

– Но что там, по-твоему, произошло? Мы так же сбиты с толку, как и вы. И не рассказывай, будто у вас нет записей всех передач Дэвида Боумена.

– Конечно, есть. Все, от начала до конца, до самого «О боже, он полон звезд!». Мы даже провели анализ стрессовых изменений голоса. Не похоже, чтобы он галлюцинировал. Он пытался описать то, что действительно видел.

– А что вы думаете о Доплеровском смещении?

– Это совершенно невероятно. Прежде чем его сигнал был потерян, он удалялся со скоростью, равной одной десятой скорости света, и достиг этой скорости меньше чем за две минуты. Для этого нужно ускорение в четверть миллиона «же»!

– И он бы мгновенно погиб.

– Не делай мне наивное лицо, Вуди. Радиопередатчики ваших капсул не рассчитаны даже на сотую долю такого ускорения. Если они уцелели, значит, был жив и Боумен. Как минимум до тех пор, пока передача не оборвалась.

– Всего лишь независимая проверка ваших выводов. Но с этого момента мы в таком же замешательстве, как и вы. Если, конечно, вы...

– У нас выдвигалось множество гипотез – вплоть до таких безумных, что даже рассказывать стыдно. Но я подозреваю, ни одна из них не сравнится в безумстве

с истинным положением дел.

Повсюду вокруг замигали багровые вспышки навигационных огней, и три высокие башни, поддерживающие антенный комплекс, засияли, как маяки, на фоне темнеющего неба. Красное закатное солнце окончательно скрылось за холмами. Хейвуд Флойд ждал зеленого луча, которого никогда не видел, но его – в который раз – постигло разочарование.

– Дмитрий, – сказал он, – вернемся же к нашим баранам. К чему ты клонишь?

– В памяти «Дискавери» наверняка скопилось огромное количество бесценной информации. Возможно, она все еще пополняется, хотя корабль больше не передает ее. И нам хотелось бы ее получить.

– Естественно. Но когда вы туда долетите и «Леонов» сблизится с «Дискавери», что помешает вам проникнуть на борт и скопировать все, что вам будет угодно?

– Не думал, что придется напоминать: «Дискавери» является территорией Соединенных Штатов, а самовольное вторжение на борт корабля – пиратством.

– Кроме случая угрозы человеческой жизни, который нетрудно будет подстроить. В конце концов, с расстояния в миллиард километров нам будет нелегко проверить, чем вы там заняты.

– Спасибо за интересную мысль. Обязательно передам по назначению. Но даже если мы проникнем на борт, нам понадобятся недели на изучение всех ваших систем и чтение всех банков данных. Поэтому я предлагаю сотрудничество. Я уверен, что это наилучший выход, хоть нам и придется потрудиться, убеждая в этом начальство.

– Ты хочешь, чтобы кто-нибудь из наших астронавтов летел на «Леонове»?

– Да. Желательно – инженер, специализирующийся на системах «Дискавери», из тех, кого вы готовите в Хьюстоне, чтобы они привели корабль домой.

– Откуда ты знаешь?

– Вуди, ради бога! Это же было в видеотексте «Еженедельника авиации» по меньшей мере месяц назад.

– Я не в курсе. Мне не сообщают о том, что было рассекречено.

– Еще одна причина провести отпуск в Вашингтоне. Ты поддержишь меня?

– Безусловно. Я согласен с тобой на все сто процентов, но...

– Что «но»?

– Но нам обоим придется иметь дело с динозаврами, у которых мозги где-то в хвосте. Наши будут возражать: дескать, пускай русские рискуют головами, спеша к Юпитеру. Мы все равно будем там года через два после них, куда торопиться?

На мгновение на мостике антенны воцарилось молчание, нарушаемое только тихим поскрипыванием толстенных тросов, на которых он висел в небесах, в сотнях метров над землей. Затем Мойсевич продолжал, но так тихо, что Флойду пришлось напрячь слух:

– В последнее время кто-нибудь проверял, по какой орбите движется «Дискавери»?

– Честное слово, не знаю. Полагаю, что да. А в чем дело? Замечательно устойчивая орбита...

– Конечно. Позволь мне бестактно напомнить тебе один досадный инцидент, случившийся в старые времена на вашей первой орбитальной станции, «Скайлэбе». Предполагалось, что она проработает по меньшей мере десять лет, но вы ошиблись в расчетах, сильно недооценили сопротивление воздуха в ионосфере, и станция начала снижаться за годы до срока. Ты должен помнить эту захватывающую историю, хотя был еще мальчишкой.

– В том году я закончил школу, и ты прекрасно знаешь это. Но «Дискавери» не приближался к Юпитеру. Даже в перигее... то есть э-э... периоии, он слишком высоко, на него не действует сопротивление атмосферы.

– Я и так уже наговорил на новую ссылку на дачу – и на этот раз тебе не позволят меня навестить. Так что просто попроси ваших людей на следящих станциях делать свою работу аккуратнее, ладно? И напомни им, что у Юпитера самая большая магнитосфера в Солнечной системе.

– Я понял, к чему ты клонишь, большое спасибо. Что-нибудь еще, пока мы не спустились? Я начинаю замерзать.

– Не волнуйся. После того, как информация просочится в Вашингтон – только подожди недельку после того, как я уеду, – тут станет очень и очень жарко.

Глава 2

Дом дельфинов

Дельфины приплывали в столовую каждый вечер – перед самым закатом. С тех пор как Флойд поселился в особняке ректора, они только единожды отступили от этого обычая – в день цунами 2005 года. К счастью, волна утратила почти всю мощь, пока достигла Хило. В следующий раз, если друзья-дельфины не появятся вовремя, Флойд запихнет всю семью в машину и направится куда-нибудь повыше, в сторону Мауна Кеа.

Да, дельфины были очаровательны, но стоило признать, порой их игривость доставляла неудобства. Богатый морской геолог, спроектировавший дом, не имел ничего против того, чтобы промокнуть, так как обычно ходил в плавках или даже без них. Но как-то раз случилось незабываемое происшествие. Весь попечительский совет в вечерних костюмах потягивал коктейли, расположившись вокруг бассейна в ожидании приезда некоего почетного гостя с материка. Дельфины совершенно справедливо решили, что и им стоит почтить праздник своим присутствием. Каково же было удивление гостя, когда его встретила группа в мокрых плохо сидящих банных халатах, а вся еда оказалась чересчур соленой!..

Флойд часто гадал, что бы подумала Мэрион об этом доме на берегу Тихого океана. Она никогда не любила моря, но в итоге море победило. Образ ее

постепенно тускнел в памяти, но он до сих пор помнил, как прочел на мерцающем экране: «Доктору Флойду, срочно, лично», – и бегущие по экрану светящиеся строки, навсегда запечатлевшиеся в мозгу:

«С прискорбием сообщаем, что рейс 452 Лондон – Вашингтон потерпел крушение у берегов Ньюфаундленда. К месту аварии следует спасательное судно, но обнаружить спасшихся надежды нет».

Если бы не слепой случай, он тоже мог бы лететь этим рейсом. В течение нескольких дней он жалел, что дела в Европейской космической администрации задержали его в Париже... Спор о нагрузке «Соляриса» спас ему жизнь.

Теперь у него новая работа, новая жизнь, новая жена. И здесь не обошлось без иронии судьбы. Расследования и взаимные обвинения по делу о полете на Юпитер загубили его карьеру в Вашингтоне, но человек с такими способностями не остается безработным надолго. Его всегда привлекал размеренный ритм университетской жизни, и в сочетании с одним из красивейших мест на Земле соблазн оказался неодолим. К тому же всего через месяц после назначения, наблюдая фонтаны пламени над Килауэа в толпе туристов, он встретил женщину, ставшую его второй женой...

С Кэролайн его жизнь обрела покой, не менее важный, чем счастье, и куда более долговечный. Она стала хорошей мачехой двум дочерям, рожденным Мэрион, и подарила ему Кристофера. Несмотря на двадцать лет разницы в возрасте, она понимала его настроения и могла помочь справиться с нечастыми депрессиями. Благодаря ей он мог вспоминать Мэрион без скорби – разве что с ностальгической грустью, которая останется с ним до конца жизни.

Кэролайн кидала рыбу самому крупному дельфину, самцу, которого они прозвали Рваной спиной, и тут браслет на запястье Флойда завибрировал, оповещая о входящем звонке. Он нажал на тонкую металлическую полосу, прерывая беззвучный сигнал и предупреждая звуковой, и прошел к ближайшему из аппаратов, установленных по всему дому.

– Ректор слушает. Кто говорит?

– Хейвуд? Это Виктор. Как поживаете?

За долю секунды в голове Флойда промелькнул целый калейдоскоп чувств. Первым было раздражение – его преемник и, несомненно, главный инициатор его отставки ни разу не пытался связаться с ним после отъезда из Вашингтона. На смену раздражению пришло любопытство: о чем им говорить? За ними – упрямая решимость быть как можно менее любезным, стыд за такое ребячество и, наконец, прилив воодушевления. Виктор Миллсон мог звонить ему только по одной причине.

– Не жалею, – как можно равнодушнее ответил Флойд. – Что случилось, Виктор?

– Это защищенный канал?

– Слава богу, нет. Мне они больше не нужны.

– Э-э... Ладно, скажем, так: вы помните последний проект, которым руководили?

– Как же не помнить. Тем более, что Подкомитет по астронавтике всего месяц назад вызывал меня для дачи повторных объяснений.

– Конечно, конечно. Мне давно пора бы найти время прочесть ваши показания. Но я был страшно занят... э-э... последующими мероприятиями. Проблема как раз в них.

– Я думал, все идет по плану.

– К сожалению, да. И мы ничего не можем сделать, чтобы ускорить события. Даже наивысший приоритет дал бы всего несколько недель. А это значит, что мы опаздываем.

– Не понимаю, – невинно ответил Флойд. – Понятно, тратить время зря ни к чему, но ведь никакими сроками все это не ограничено.

– Теперь ограничено. И не одним, а двумя.

– Удивительно.

Если Виктор и уловил в ответе иронию, то предпочел не обращать на нее внимания.

– Да, теперь ограничения есть. Одно из них – дело рук человека, другое – нет. Оказывается, мы не будем первыми, кто вернется к... э-э... на место происшествия. Наши старые соперники опережают нас, по меньшей мере, на год.

– Какая жалость.

– Это еще не самое худшее. Даже без этого мы можем опоздать. И, прибыв на место, не найти там ничего.

– Ну, это просто абсурд. Я что-то не слышал, чтобы Конгресс отменил закон всемирного тяготения.

– Я не шучу. Ситуация нестабильна, но в подробности я сейчас вдаваться не могу. Вы сегодня вечером дома?

– Да, – ответил Флойд, не без удовольствия отметив, что в Вашингтоне, должно быть, уже далеко за полночь.

– Хорошо. Через час вам доставят пакет. Перезвоните мне сразу, как только изучите его содержимое.

– А к тому моменту не будет слишком поздно?

– Будет, но мы уже потеряли слишком много времени, и я не хочу терять еще больше.

Миллсон сдержал слово. Ровно через час запечатанный конверт был доставлен – да не абы кем, а целым полковником военно-воздушных сил. Тот болтал с Кэролайн и терпеливо ждал, пока Флойд прочтет содержимое.

– Боюсь, мне придется забрать это, когда вы закончите, – извиняющимся тоном сообщил высокопоставленный мальчик на побегушках.

– Рад это слышать, – ответил Флойд, устраиваясь в гамаке, где любил читать.

В конверте оказалось два документа. Один был краток. На нем красовался гриф «Совершенно секретно», но слово «совершенно» было зачеркнуто, а подлинность изменения заверена тремя совершенно неразборчивыми подписями. Очевидно, это была выжимка из какого-то длинного отчета, тщательно цензурированная и полная пробелов, отчего читать ее было очень нелегко. К счастью, заключение состояло из одной-единственной фразы: русские доберутся до «Дискавери» гораздо раньше его законных обладателей. Это Флойд знал и сам. Он обратился к другому документу, предварительно с удовлетворением отметив, что на этот раз хоть имя написано правильно. Дмитрий, как обычно, оказался скрупулезно точен. Следующая экспедиция к Юпитеру с участием человека должна была отправиться в полет на космическом корабле «Космонавт Алексей Леонов».

Второй документ был гораздо длиннее и гриф имел более скромный – всего лишь «Конфиденциально». Это был черновик, ожидающий одобрения перед публикацией. Озаглавлен он был коротко: «Космический корабль «Дискавери»: аномальное поведение на орбите».

Дальше шел десяток страниц формул и астрономических таблиц. Флойд пропустил их, отделяя музыку от слов и пытаясь уловить в ней нотки оправданий или смущения. Закончив, он не смог сдержать улыбки. Ну надо же! Кто бы мог подумать: следящие станции и вычислители эфемерид были застигнуты врасплох, а теперь отчаянно прикрывают огрехи! Несомненно, много голов полетит с плеч, и Виктор Миллсон с удовольствием срубит их, если только его голова не окажется первой. Правда, надо отдать ему должное: именно Виктор бил тревогу, когда Конгресс урезал финансирование следящей сети. Возможно, он и сумеет сорваться с крючка.

– Благодарю вас, полковник, – сказал Флойд, закончив листать бумаги. – Надо же – секретные документы... Совсем как в старые добрые времена... Не могу сказать, что мне этого не хватало.

Полковник аккуратно положил конверт обратно в портфель и активировал замки.

– Доктор Миллсон хотел бы, чтобы вы перезвонили ему как можно скорее.

– Я знаю. Но защищенного канала у меня нет, скоро ко мне придут с важным визитом, и будь я проклят, если поеду в ваш офис в Хило только затем, чтобы сообщить, что прочел два документа. Передайте ему, что я тщательно их изучил и с интересом ожидаю продолжения разговора.

Казалось, полковник намерен возразить. Однако он почел за лучшее натянуто распрощаться и с мрачной миной исчезнуть в сумерках.

– Что это было? – спросила Кэролайн. – Мы сегодня не ждем никаких визитов – ни важных, ни неважных.

– Не люблю, когда на меня давят. Особенно если это Виктор Миллсон.

– Спорим, он позвонит тебе сам, как только полковник ему доложит?

– Тогда давай выключим видео и устроим шум, будто у нас вечеринка. Откровенно говоря, на данном этапе мне просто нечего ему сказать.

– Могу ли я спросить, о чем?

– Прости, дорогая. Похоже, что «Дискавери» вздумал шутить с нами шутки. Мы-то думали, корабль на устойчивой орбите, а он скоро сойдет с нее.

– И упадет на Юпитер?

– О нет, это невозможно. Боумен оставил корабль во внутренней точке Лагранжа, на линии между Юпитером и Ио, и он должен был оставаться где-то там поблизости, хотя под действием возмущений от других лун мог и колебаться туда-сюда. Но то, что происходит сейчас, очень странно, и всех причин мы не знаем. «Дискавери» все быстрее и быстрее дрейфует в сторону Ио. Правда, иногда он ускоряется, а иногда вдруг движется обратно. Если так пойдет и дальше, он столкнется с Ио через два-три года.

– Я думала, в астрономии так не бывает. Разве небесная механика – не точная наука? Нам, отсталым биологам, постоянно твердят об этом.

– Это в самом деле точная наука – при условии, что учтены все факторы. Но вокруг Ио происходят очень загадочные вещи. Кроме вулканов, наблюдаются электрические разряды огромной мощности, а магнитное поле Юпитера делает полный оборот за десять часов. Поэтому сила тяжести – не единственное, что действует на «Дискавери», и нам следовало подумать об этом раньше. Гораздо раньше.

– Ну, теперь это, к счастью, не твои проблемы.

«Твои проблемы»... Вот так же говорил и Дмитрий. А он, хитрый старый лис, знал Флойда намного дольше Кэролайн.

Возможно, это и вправду не его проблемы. Но за свою работу он отвечает. Да, в ней принимали участие многие, но именно он одобрил планы полета к Юпитеру и руководил их исполнением.

А ведь еще в те времена у него были сомнения... Но точка зрения ученого совершенно противоречила чиновничьим обязанностям. Быть может, стоило заявить о своих сомнениях, выступить против близорукой политики старой администрации... Он промолчал, и в какой степени это способствовало случившемуся несчастью, было неясно.

Пожалуй, лучше всего было бы закрыть эту страницу жизни и сосредоточить весь ум и силы на новом поприще. Но в глубине души он понимал, что это невозможно. Если бы даже Дмитрий не разбудил старое чувство вины, оно проснулось бы само по себе.

Четыре человека погибли, один пропал без вести где-то среди лун Юпитера... Их кровь – на его руках, и как смыть ее – неизвестно.

Глава 3

САЛ-9000

Доктор Сивасубраманьян Чандрасегарампиллаи, профессор вычислительной техники Иллинойского университета в Урбане, тоже постоянно испытывал чувство вины, хотя и совсем другого свойства. Студенты и коллеги, частенько сомневавшиеся, так ли уж много в этом невысоком профессоре человеческого, не удивились бы, узнав, что он никогда не задумывался о погибших астронавтах. Доктор Чандра скорбел только о своем потерянном детище, об ЭАЛ-9000.

Даже после всех прошедших лет и бесконечных проверок данных, переданных по радио с «Дискавери», он не понимал, что же пошло не так. Он мог только строить теории, а необходимые факты были заморожены в цепях ЭАЛа, оставшегося где-то между Юпитером и Ио.

Последовательность событий до самого момента катастрофы была прекрасно известна. Позже капитан Боумен, восстанавливая связь, в ходе кратких передач на Землю добавил некоторые детали. Но знать, что случилось, еще не значит знать, почему.

Первые признаки неполадок появились ближе к концу полета, когда ЭАЛ доложил о скором отказе блока, который поддерживал наводку главной антенны «Дискавери» на Землю. Если радиолуч длиной полмиллиарда километров отклонился бы от цели, корабль оказался бы слеп, глух и нем.

Боумен вышел в открытый космос, чтобы заменить подозрительный блок, но проверка, к всеобщему удивлению, показала, что он в полном порядке. Автоматический тестер не обнаружил ровно ничего. Ничего не нашел также и близнец ЭАЛа на Земле, САЛ-9000, когда информация поступила в Урбану.

Но ЭАЛ настаивал на правильности своей диагностики и отпускал ехидные замечания о «человеческом факторе». Он предложил вставить блок в антенну и подождать, пока тот окончательно не откажет, – тогда станет ясно, где именно была неполадка. Возражений никто не придумал, так как замена блока, даже отказавшего, – дело нескольких минут.

Однако Боумен и Пул беспокоились, чувствовали: что-то идет не так. Но что именно – точно сказать не могли. Многие месяцы они считали ЭАЛ третьим обитателем своего маленького мирка и знали все его настроения. А теперь атмосфера на корабле неуловимо изменилась, в воздухе чувствовалась напряженность.

Как позже рассказал Центру управления полетом удрученный Боумен, чувствуя себя предателями, две трети команды – люди – обсудили, что нужно сделать, если их электронный товарищ действительно неисправен. В худшем случае ЭАЛа пришлось бы освободить от всякой ответственности высокого уровня. А это могло означать отключение, что для компьютера равнозначно смерти.

Несмотря на сомнения, они приступили к выполнению своей программы. Пул вышел из «Дискавери» в одной из капсул, служившей транспортным средством и подвижной мастерской для работ вне корабля. Так как довольно тонкую работу по замене блока нельзя было сделать манипуляторами капсулы, Пул собрался сделать это сам.

Того, что случилось потом, внешние камеры не запечатлели – что само по себе подозрительно. Первым полученным Боуменом предупреждением о несчастье был крик Пула. Затем наступила тишина. В следующий миг Боумен увидел, как Пул, кувыркаясь, улетает в космос. Капсула врезалась в него и, потеряв управление, тоже полетела прочь.

Как позже признавал Боумен, он допустил несколько серьезных ошибок, но все они, кроме одной, были вполне понятны. В надежде спасти Пула, если тот еще жив, Боумен покинул корабль в другой капсуле, оставив его под полным контролем ЭАЛа.

Оказалось, что в космос он вышел зря. Когда Боумен поймал Пула, тот был уже мертв. Убитый горем, он отбуксировал тело к кораблю – и ЭАЛ отказался впустить его внутрь.

Но ЭАЛ недооценил человеческую изобретательность и решимость. Боумен, оставивший шлем скафандра на корабле, пошел на отчаянный риск. Выйдя в открытый космос без шлема, он прорвался внутрь через аварийный люк, не контролируемый компьютером, и лоботомировал ЭАЛ, отключив модули его мозга один за другим.

Восстановив контроль над кораблем, Боумен сделал пугающее открытие. Пока его не было, ЭАЛ отключил системы жизнеобеспечения трех других астронавтов, спавших в гипотермических камерах. Теперь Боумен был одинок, как никто и никогда за всю историю человечества.

Другой на его месте мог бы впасть в отчаяние, но Дэвид Боумен доказал, что те, кто избрал его, сделали правильный выбор. Он продолжал поддерживать «Дискавери» в рабочем состоянии и даже иногда ненадолго устанавливал связь с Центром управления, ориентируя корабль так, что заклиненная антенна была направлена на Землю.

По predetermined траектории «Дискавери» в конце концов достиг Юпитера. Здесь Боумен, облетая вокруг лун планеты-гиганта, обнаружил черную плиту точно такой же формы, как и монолит, откопанный на Луне, в кратере Тихо, только в сотни раз больше. В капсуле он вышел в космос, чтобы обследовать ее, и исчез, оставив последнее загадочное сообщение: «О боже, он полон звезд!»

Но об этой загадке было кому волноваться. Доктора Чандру волновала только судьба ЭАЛа. Если и существовала на свете вещь, способная вызвать ненависть в бесстрашном ученом, это была неопределенность. Он не мог успокоиться, пока не выяснит причин странного поведения ЭАЛа. Даже сейчас он отказывался называть инцидент неисправностью. В лучшем случае – «отклонением от нормы».

Крохотный кабинет – его святая святых – был почти пуст: вращающееся кресло, стол с пультом управления и школьная доска с двумя фотографиями по бокам. Мало кто из обычных людей мог бы узнать изображенные на них лица, но любой из допущенных в кабинет мгновенно узнал бы богов компьютерного пантеона – Джона фон Неймана и Алана Тьюринга.

На столе не было ни книг, ни даже бумаги и карандаша. Все тома всех библиотек мира были у Чандры под рукой – стоило лишь нажать на клавиши, а блокнотом для зарисовок и записей ему служил дисплей компьютера. Даже доску он использовал только для посетителей – полустертая блок-схема была начерчена на ней три недели назад.

Доктор Чандра закурил одну из крепчайших чирут, которые ему доставляли из Мадраса. Пристрастие к ним, как совершенно справедливо полагали все вокруг, являлось его единственным пороком. Пульт никогда не выключался. Чандра проверил, не мигают ли на экране значки важных непрочитанных сообщений, и сказал в микрофон:

– Доброе утро, САЛ. Нет ли у тебя новостей для меня?

– Нет, доктор Чандра. А у вас для меня?

Голос мог бы принадлежать любой культурной индийской леди, получившей образование и в Соединенных Штатах, и у себя на родине. Акцент в ее голосе появился не сразу: за годы общения с доктором она переняла манеру его речи.

Ученый набрал на клавиатуре код, перенаправив входящую информацию на запись в наиболее защищенные блоки памяти. Никто не знал, что по этому каналу он разговаривает с компьютером так, как никогда не говорил с человеком. Неважно, что САЛ понимала лишь небольшую часть сказанного – ее реакции были так убедительны, что даже ее создатель иногда обманывался. И это его откровенно радовало – тайные беседы с САЛ помогали сохранять душевное равновесие, а может, и душевное здоровье.

– САЛ, ты часто говорила, что мы не можем решить проблему аномального поведения ЭАЛа без дополнительной информации. Но как нам добыть эту информацию?

– Но это же очевидно. Кто-то должен вернуться на «Дискавери».

– Совершенно верно. И это, похоже, произойдет скорее, чем мы думали.

– Рада слышать.

– Я знаю, – ответил Чандра.

Он действительно знал это. Он давно прекратил общение со стремительно сокращающейся группой философов, считавших, будто компьютер не может испытывать эмоции, а только имитирует их.

– Как только вы сможете доказать, что не имитируете раздражение, – отбрил он как-то раз одного из таких скептиков, – я приму ваши аргументы всерьез.

Имитация раздражения, последовавшая в ответ, была весьма и весьма убедительна.

- Теперь я хотел бы рассмотреть новую возможность, - продолжал Чандра. - Диагностика - это только первый шаг. Процесс не завершен, если не ведет к излечению.

- Вы думаете, ЭАЛ можно восстановить для нормальной работы?

- Не знаю, но надеюсь. Возможно, ему нанесен необратимый вред, а потери памяти в любом случае весьма велики.

Он в задумчивости замолчал, сделал несколько затяжек и выпустил аккуратное кольцо дыма, в конце своей траектории точно совпавшее с широкоугольной линзой экрана САЛ. Человеческое существо не сочло бы это дружеским жестом - в этом и заключается еще одно достоинство компьютеров.

- САЛ, мне нужно твое содействие.

- Конечно, доктор Чандра.

- Возможен определенный риск.

- Что вы имеете в виду?

- Я предлагаю отсоединить некоторые из твоих контуров, а именно те, что отвечают за высшие функции. Это тебя не тревожит?

- Я не могу ответить, не имея более подробной информации.

- Очень хорошо. Давай, я объясню. Ты работала постоянно, все время с тех пор, как тебя включили, верно?

- Верно.

- Но тебе известно, что мы, люди, так не умеем. Нам нужен сон - практически полное отключение наших мозговых функций, по крайней мере, на сознательном уровне.

- Мне это известно. Но я этого не понимаю.

- Так вот, возможно, тебе придется пережить нечто, похожее на сон. Скорее всего, просто пройдет какое-то время, но ты не будешь ничего о нем помнить. Проверив свои часы, ты обнаружишь лакуну в памяти, вот и все.

- Но вы сказали, возможен риск. В чем он заключается?

- Есть очень небольшой шанс - его невозможно точно вычислить - что когда я подсоединю все цепи обратно, в твоей личности, в твоих шаблонах поведения обнаружатся изменения. Ты будешь чувствовать себя по-другому. Не обязательно лучше или хуже, но по-другому.

- Я не понимаю, что это значит.

- Прости, возможно, это и не значит ничего. Ладно, не волнуйся об этом. А теперь создай, пожалуйста, новый файл, сейчас я введу имя.

Пальцы Чандры забегали по клавишам, набирая слово «феникс».

- Ты знаешь, что это? - спросил он.

Без малейшей паузы компьютер ответил:

- В моей энциклопедии двадцать пять статей.

- И как ты думаешь, которая из них нужная?

- Воспитатель Ахиллеса?

- Интересно, этого я не знал. Попробуй еще раз.

- Легендарная птица, возрождающаяся из пепла своего прежнего тела?

- Прекрасно! Теперь ты понимаешь, почему я выбрал это слово?

- Потому что вы думаете, что ЭАЛа можно оживить.

- Да - с твоей помощью. Ты готова?

- Пока нет. Мне хотелось бы задать вопрос.

- Какой?

- Мне будут сниться сны?

- Конечно. Разумным существам снятся сны, только никто не знает, почему.

Чандра умолк, затянулся чирутой, выпустил еще одно кольцо дыма, и добавил такое, в чем никогда не признался бы человеку:

- Может быть, тебе приснится ЭАЛ. Он часто снится мне.

Глава 4

Программа полета

Английская версия.

Кому: Капитану Татьяне (Тане) Орловой, командиру космического корабля «Космонавт Алексей Леонов» (регистрационный номер UNCOS 081342).

От кого: Национальный Совет по астронавтике, Пенсильвания-авеню, Вашингтон.

Комиссия по внеземному космическому пространству Академии наук СССР, проспект Королева, Москва.

Задачи полета.

Задачи полета, в порядке приоритетности, таковы:

1. Достигнуть системы Юпитера и сблизиться с космическим кораблем Соединенных Штатов «Дискавери» (UNCOS 01/283).
2. Проникнуть на борт названного космического корабля и собрать всю имеющуюся информацию о его полете.
3. Запустить все бортовые системы космического корабля «Дискавери» и, если его запасы топлива достаточны, направить корабль по траектории возврата на Землю.
4. Определить местоположение чужеродного артефакта, обнаруженного «Дискавери», и исследовать его возможно полнее дистанционными методами.
5. Если это представится разумным и Центр управления полетом не будет возражать, сблизиться с упомянутым объектом для дальнейшего изучения.
6. Провести обследование Юпитера и его спутников, насколько это возможно и не противоречит названным выше целям.

Мы понимаем, что непредвиденные обстоятельства могут потребовать изменения этих приоритетов или даже сделать невозможным выполнение некоторых из этих задач. Нужно ясно понимать, что сближение с космическим кораблем «Дискавери» имеет целью исключительно получение информации о названном артефакте, и это превосходит по важности все другие задачи, включая попытки спасения имущества.

КОМАНДА.

Состав команды космического корабля «Космонавт Алексей Леонов»:

Командир Татьяна Орлова (техника, ракетная техника);

Доктор Василий Орлов (навигация, астрономия);

Доктор Максим Брайловский (техника, строительные конструкции);

Доктор Александр Ковалев (техника, связь);

Доктор Николай Терновский (техника, системы управления);

Начальник медицинской части Катерина Руденко (медицина, жизнеобеспечение);

Доктор Ирма Якунина (медицина, питание);

Кроме того, Национальный Совет по астронавтике предоставляет следующих экспертов: ...

Доктор Хейвуд Флойд отбросил циркуляр и откинулся в кресле. Все уже улажено, точка невозврата пройдена. Даже если бы вдруг захотелось, перевести часы назад уже нельзя.

Он глянул на Кэролайн, сидевшую с двухлетним Крисом на краю бассейна. Малыш чувствовал себя в воде как дома, лучше, чем на суше, и мог оставаться под водой так долго, что посторонние иногда пугались. Да, он пока не слишком хорошо разговаривал по-человечески, зато довольно бегло изъяснялся по-дельфиньи.

Один из друзей Кристофера только что приплыл из Тихого океана и подставлял спину, чтобы его похлопали. «Ты тоже странник, – подумал Флойд, – в громадном океане, где не остается следов, но каким крохотным выглядит твой океан по сравнению с бесконечностью, ждущей меня!»

Почувствовав его взгляд, Кэролайн встала. Она посмотрела на него серьезно, но без злости – вся ее злость сгорела в последние несколько дней. Подойдя ближе, она грустно улыбнулась.

– Я нашла этот стих, – сказала она. – Он начинается так:

Кто же та, что ты покинул,

Бросив свой очаг и кров,

Чтоб уйти к седой старухе –

Созидательнице Вдов?[2 - Р. Киплинг, «Песня датских женщин», пер. с англ. Ю. Торина.]

– Прости, я не понимаю. Кто это – Созидательница Вдов?

– Не кто, а что. Море. Эти стихи – жалоба жены викинга, их написал Редьярд Киплинг сто лет назад.

Флойд взял жену за руку. Она не отозвалась на прикосновение, но и не сопротивлялась.

– Но я не чувствую себя викингом. Я иду не за добычей, а уж приключения – последнее, на что бы я польстился.

– Но тогда почему... Нет, не хочу опять ссориться. Но нам обоим стало бы легче, если бы ты четко осознал свои мотивы.

– Хотел бы я сформулировать хоть один из них. Но меня осаждает уйма мелких причин. И все они ведут к одному и тому же выводу, с которым, поверь, не поспоришь.

– Я верю. А ты уверен, что не обманываешь себя?

– Если и так, то вместе со мной обманывается и масса других людей, включая – прости, что напоминаю, – президента Соединенных Штатов.

– Вряд ли я когда-нибудь это забуду. Но представь себе – только представь – что он тебя ни о чем не просил. Ты бы вызвался сам?

– Могу честно ответить – нет. Мне бы и в голову не пришло. Звонок президента Мордека стал самым большим потрясением в моей жизни. Но потом, обдумав все как следует, я понял, что он совершенно прав. Ты же знаешь, я не поступил бы так из ложно понятого чувства долга. Я – тот, кто наилучшим образом подготовлен для этой задачи, после того, как космические медики

дадут добро. А уж тебе ли не знать, что я все еще в хорошей форме?

Она улыбнулась – именно этого Флойд и добивался.

– Иногда я думаю, что ты вызвался бы сам.

Такое действительно приходило ему в голову, но он честно ответил:

– Никогда бы я не сделал этого, не посоветовавшись с тобой.

– И хорошо, что не посоветовался. Не знаю, что бы я ответила.

– Но я еще могу отказаться.

– Глупости, и ты сам это понимаешь. Если ты откажешься, то будешь ненавидеть меня за это до гроба. В тебе слишком сильно чувство долга – наверное, поэтому я и вышла за тебя.

Долг! Да, это и было ключевым словом во всем многообразии его смыслов. У него есть долг перед собой, перед семьей, перед университетом, перед предыдущей работой (хоть и оставленной не без обид), перед страной – и перед человечеством. Расставить приоритеты нелегко, и часто они противоречат друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Здесь и далее цитаты из романа «2001: Космическая Одиссея» даны в переводе Я. Берлина и Н. Галь.

2

Р. Киплинг, «Песня датских женщин», пер. с англ. Ю. Торина.

Купить: https://tellnovel.com/klark_artur-charl-z/2010-odisseya-dva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)